

Глава 14. Предопределённое будущее

Эта группа людей исчезла так же стремительно, как и появилась. Вздутия на траве постепенно опали, а их голоса затихли вдали.

Их поглотило. Сожрало это пастбище, переварило, растворило. Живой человек ступает на эту землю и в одно мгновение обращается в лужу гноя.

— Что значит «увидел»? Как ты это увидел?

Меня уже не волновала земля под ногами. Слова профессора пробудили во мне совершенно новый, неведомый доселе страх. Ужас вызывает не только столкновение с неизвестностью. Иногда предопределённое будущее страшит куда сильнее.

Профессор обернулся. Степной ветер доносил терпкий запах земли и травы, в котором я уловил тошнотворно-сладкий смрад гниющей плоти, на удивление тёплый. Он стоял на краю этого волнующегося пастбища; травы покорно склонялись перед ним, а за спиной клубились тёмные тучи. Казалось, эта опасная земля удовлетворённо урчит, повинуюсь его воле.

Нет, она повиновалась чему-то более тёмному, более зловещему... но он, очевидно, уже разобрался в её правилах.

— Сны не всегда последовательны, — сказал он. — Я вижу лишь обрывки, отдельные фрагменты. Но, судя по прошлому опыту, все они рано или поздно становятся явью.

— Я видел дрожащую картину: перед нами — абсолютно чёрный горный хребет, рядом со мной — Чжоу и ещё один человек. — Он спокойно посмотрел на меня. — Когда я впервые тебя увидел, то сразу понял, что этот человек — ты.

Его слова потрясли меня до глубины души. О подобном даре предвидения я читал только в книгах. Но там всё было иначе. Китайцы верят, что человек способен покорить небеса; в большинстве историй предсказанная судьба либо в конечном итоге подчиняется воле героя, либо её можно изменить своими поступками.

— Что значит «все становятся явью»? — переспросил я. — Все до единого? Всё, что ты видел?

— Линь, — профессор едва заметно улыбнулся. В его улыбке всегда было нечто странное. Она рождалась не от радости, а от какой-то самоироничной безысходности. — Ты должен понять: не каждый может одолеть судьбу... Вернее, её не может одолеть никто.

— Чжоу тебе не говорил? Я по образованию математик. Когда-то я принадлежал к числу тех, кто непоколебимо верил в реальность этого мира. Для меня, пока число Пи не вычислено до конца, исследование математики бесконечно.

Он сделал паузу.

— Но позже я осознал, что у математики есть пределы. И у числа Пи тоже есть конец. Возможно, какой-нибудь до смешного простой «поверхностный ответ» и есть его последние знаки. Все наши знания в математике, физике, астрономии могут быть построены на ложных предположениях. Будь ты на моём месте, ты бы тоже не смог так просто с этим смириться.

Я смотрел на него, ничего не понимая. Я не улавливал сути его слов, но интуитивно чувствовал: всё очень, очень плохо.

— То, что я могу заглядывать в будущее, — само по себе веское доказательство. Наши действия не способны ничего изменить. Мы лишь муравьи в банке, ползущие по тропинке, заранее проложенной невидимой рукой.

— Лучшего слова не подберёшь. Это... судьба.

Судьба. Неотвратимая, неизменная. Всё, что ждёт впереди, лишено смысла, а всё, что было в прошлом, — лишь неизбежность.

Твоя жизнь тебе не принадлежит. Твои выборы и решения не стоят и ломаного гроша. Если ты прославился на весь мир, значит, та самая рука положила на твоём пути красиво упакованный подарок. Если ты прозябаешь в нищете — значит, высшая сила решила насладиться особым привкусом трагедии.

Всё человеческое лишено смысла. Политика, экономика, культура — всё, что мы создали, — лишь декорации, появляющиеся в нужный момент. Человек не может быть уверен даже в наличии у себя разума, ведь неизвестно, родилась ли эта мысль в твоей голове или её туда кто-то вложил.

— Невозможно, — выдохнул я. — Как такое может быть? Какой силой нужно обладать, чтобы влиять на каждого? Этого не может быть.

— Возможно, мы — не «каждый», — голос профессора был тихим и ровным. — Возможно, это вообще не реальный мир. Мы ограничены собственным восприятием и не видим его истинного облика.

— Но когда тебе на миг удаётся вырваться, подняться на уровень выше, ты видишь всё. Прошое, настоящее, будущее — всё это точки, наложенные друг на друга. И ты, стоя в стороне, видишь все ответы.

— Вот почему мы ищем это. Возможно, за той дверью, которую мы пытаемся открыть, и находится истинный облик этого мира.

— А то, что ты видишь сейчас... — он указал на простирающуюся вдаль степь, — возможно, лишь редкий проблеск той самой реальности.

Сам не знаю почему, но мне стало трудно дышать.

Моё тело инстинктивно протестовало. Мозг кричал, что всё это неправда, что он обладает свободой воли и никто на него не влияет. Но я не мог доказать, была ли эта мысль моей собственной или лишь барьером, мешающим мне думать дальше.

Я стоял на месте, колотя себя в грудь и надрывно кашляя. Собеседник молча ждал, пока я приду в себя.

— И как... как ты смог с этим смириться?

Я прижал руку к груди, силясь подавить это ненормально сильное чувство сомнения.

— Разумеется, я отрицаю эту теорию и ищу доказательства её ошибочности, — сказал он. — Я верю, что мы сможем найти другое объяснение, разумное и не нарушающее законов вселенной... Доказать, что мы с тобой существуем на самом деле.

Выражение его лица было совершенно спокойным, словно он рассуждал не о судьбах вселенной и человечества, а о погоде.

В голове царил хаос. Профессор легонько похлопал меня по плечу.

— Тревога — это хорошо, — сказал он. — Но у каждого из нас должен быть свой путь.

Я понял, что он имел в виду. Иногда ты сражаешься не со странностями мира, а с самим собой.

Если у тебя нет своего пути, ты рискуешь потерять себя где угодно. Цель профессора и его команды была непоколебима. Даже если в конце их ждёт неутешительный ответ, отступить они не смогут.

От этой мысли мне стало немного легче. Я понимал его. Учёные — народ дотошный. Не будь Чэнь Сюань таким, он бы, наверное, давно сошёл с ума.

Раз есть сомнение, значит, нужно сомневаться. Предполагать существование инопланетян и действительно их обнаружить — совершенно разные вещи. Пока мы не поймали ни одного за руку, пусть это остаётся лишь гипотезой.

Человек — существо адаптивное. Пройдя через всё это, я чувствовал, что моя способность

принимать реальность значительно возросла.

Леденящее душу чувство отступило так же быстро, как и появилось. Спутник стоял рядом, его рука лежала на моём плече. Мне было трудно сомневаться в реальности происходящего.

Я не смог бы выдумать такого персонажа. Он был похож на верного и могучего соратника главного героя из какого-нибудь романа — идеальный во всём и всегда готовый прийти на помощь. У таких простых людей, как я, есть свои преимущества: пока завтра не наступит конец света, нужно есть и спать. Даже захочешь пуститься во все тяжкие — и то не найдёшь способа.

А вот люди вроде профессора, наоборот, всерьёз беспокоятся о том, не рухнет ли небо на землю. Ведь если рухнет, им придётся его чинить. Их мысли для меня — всё равно что переживания школьника о запуске ракеты: немного самонадеянно.

Я посмотрел на него. Он уже не смотрел на меня, а погрузился в свои думы, отрешённый и спокойный.

— А что, если это правда? — не удержался я от вопроса.

— Я математик, — он взглянул на меня. Его обычная напряжённость и оценивающий взгляд исчезли, сменившись чем-то более мягким, почти беззаботным. — Для меня доказательством может служить только неопровержимый факт.

Возможно, он давно хотел выговориться. Ему нужен был слушатель. Кто-то, кто, может, и не поймёт его до конца, но выслушает эти догадки, делающие его образ менее безупречным.

Быть идеальным лидером тяжело, особенно когда на кону жизни твоих людей. Его дар был одновременно и его слабостью. Как лидер, ты можешь говорить лишь о преимуществах этого дара, но не о том, какую цену за него платишь.

Мне показалось, что я начал немного его понимать. Разумеется, лишь в тех пределах, в которых он сам позволял.

— Неопровержимый до такой степени, чтобы какой-нибудь бог лично тебе об этом сказал? — брякнул я, сам не зная зачем.

К моему удивлению, профессор рассмеялся. Его смех был мягким, как у интеллигентов старой закалки, которые столько прочли, что их уже ничем не заденешь.

— Наверное, — сказал он. — Но даже тогда я, скорее всего, усомнился бы в том, что он — настоящий бог.

Он произнёс это совершенно серьёзно, и я ещё долго думал над его словами. Кажется, я понял. Он верил, но в то же время не верил ничему. Именно эта его привычка всё подвергать сомнению и позволяла ему идти всё дальше по этому пути.

Златовласый, его верный соратник, скорее всего, разделял его взгляды. А может, этому сорвиголове было на всё плевать. Ну и что, что всё неправда? Живём ведь.

Я не знал, какой подход лучше. Наверное, мне был ближе взгляд Чжоу Цзымо, но в то же время я чувствовал, что именно образ мыслей профессора должен быть присущ тем, кто составляет опору своей эпохи.

Мы постояли ещё немного. Земля быстро приняла свой обычный вид, и ничто больше не выдавало произошедшего.

Всё началось и закончилось так быстро. Я хотел было подойти поближе и посмотреть, но Чэнь Сюань схватил меня за руку.

— Эти вздутия — особый вид болот. Их движение, скорее всего, вызвано выбросами газа в разных местах, — он крепко держал меня. — Под землёй много трясины. Пока всё не успокоится, ступишь — и уйдёшь под землю, а дёрн сомкнётся над головой. Тем, кто туда попал, уже не выбраться.

— Такое и правда бывает? — спросил я. — Если да, то почему об этом не рассказывали в научных передачах?

— Они тоже не всё знают, — ответил он. — Даже монголы редко видят эти болота. Чаще всего они появлялись несколько сотен лет назад, когда под землёй было больше газа. Тогда казалось, что сама земля кипит.

— Эта картина, должно быть, наблюдалась и сотни лет назад. Редко, но не невозможно.

Это напомнило мне теории о том, что драконы, возможно, существовали, но из-за отсутствия окаменелостей в это никто не верит.

— А драконы существуют? — спросил я.

Профессор не расслышал или сделал вид, что не расслышал, и посмотрел на меня с немым вопросом.

— Ничего, это я так, сам с собой.

Я быстро отмахнулся.

Впрочем, ответ профессора меня устроил. За время нашего путешествия я столкнулся со множеством явлений, которые казались странными, но в итоге находили своё объяснение. Пусть и причудливое, но простое объяснение лучше, чем никакого.

На обратном пути я шёл за Чэнь Сюанем. После нашего разговора он уже не казался мне таким неприступным.

То, что может сломить человека или заставить его сомневаться в себе, — это очень личное. Профессор и раньше делился со мной информацией, но делал это сугубо по-деловому, не касаясь ничего личного. А сегодня он открылся.

Он сильно отличался от моего первого впечатления. Златовласый казался открытым, но был холоден внутри. Сюань же, наоборот, был холоден снаружи, но тёпл внутри. Сначала я боялся оставаться с ним наедине, но, узнав его поближе, понял, что он очень мягкий человек. На все вопросы отвечал, держался дружелюбно. Просто он не был душой компании, и на фоне Чжоу Цзымо это бросалось в глаза.

— Я всегда думал, что вы неразговорчивый, — сказал я, догнав его. — С самого начала вы казались... молчаливым.

— Я никогда не был неразговорчивым, — он почему-то вздохнул. — Просто когда рядом Чжоу, мне не нужно много говорить.

«Надо же, как всё запущено», — подумал я и не смог сдержать смешок.

— Ну, вы же его начальник. Логично, что он говорит за вас.

— Разве? — сказал он. — Я не очень хороший начальник, а он — не очень хороший подчинённый. Мы просто помогаем друг другу.

Какое ещё «помогаем друг другу»? Идеальные напарники, не иначе.

Он думал, я не замечу? Их взаимопонимание — результат не пары совместных вылазок. Такого уровня слаженности не достичь без долгой и упорной притирки.

К тому же, они — классический дуэт: один — мозг, другой — мускулы. Если бы я умел рисовать комиксы, они бы точно стали прототипами моих героев.

Жаль, что я не умею. Да и профессора я всё ещё побаиваюсь. Это какое-то иррациональное благоговение перед интеллектуалом.

Сам не знаю почему, но, разговаривая с ним, я всегда боюсь выдать свою необразованность,

хотя он и не сыплет научными терминами, как герои ситкомов.

Так мы и дошли до лагеря. Открыв полог палатки, мы увидели внутри несколько человек в гидрокостюмах. С них ещё стекала вода. Как только мы вошли, несколько голов в очках повернулись в нашу сторону. Я аж подпрыгнул от неожиданности.

Один из них стянул маску, и из-под неё показалась знакомая золотистая шевелюра.

— Старина Чэнь, ну ты и провидец, — сказал Златовласый. — Дом обчистили.

Я хотел было спросить, что они украли, как увидел за их спинами гору железных контейнеров. Ящики были тёмно-зелёные, с облупившейся краской, все в грязи и траве. Не представляю, как они их сюда притащили.

— Что это? — спросил я. — Вы что, ящики таскали?

Остальные разошлись по своим делам. Чэнь Сюань подошёл к грузу. Лэнс протёр бок одного из контейнеров, и под грязью показалась надпись на японском.

Я тут же вспомнил историю о подземном сооружении.

— Это оттуда?

Златовласый кивнул. Профессор ничего не сказал, лишь взял тряпку и начал стирать с коробов грязь. У меня было столько вопросов, но я боялся показаться назойливым и просто стоял рядом, сгорая от нетерпения.

— Сколько их всего? — спросил Сюань, очистив одну сторону ящика и принявшись за другую.

— Навскидку, штук пятьдесят, — ответил Чжоу. — Все не утащить. Мы вытащили несколько. Если в них ничего нет, спустимся ещё раз.

Он вытащил несколько ящиков и разложил их на земле. Они оба присели, чтобы их рассмотреть. Я тоже подошёл поближе. Этим языком я не владел, мог разобрать лишь несколько иероглифов, похожих на китайские. Но их было слишком мало, чтобы понять смысл.

— Здесь написано, что открывать запрещено. Остальное — номер части и предупреждения.

Мне показалось, что профессор читает мои мысли.

Я не успел и рта раскрыть, как Златовласый, повозившись с другим ящиком, со щелчком

открыл его.

На мгновение я замер. Мне очень хотелось спросить, не умеет ли он читать. Как можно быть таким безрассудным и дожить до своих лет?

Но профессор, казалось, ничуть не удивился. Я тут же понял, что это было сделано с его одобрения. Он наклонился, чтобы заглянуть внутрь. Я тоже проскользнул за его спину.

Внутри была маленькая фарфоровая чашечка, из тех, что используют для байцзю. Без узоров, совершенно обычная.

«Жители Страны восходящего солнца совсем сбрендили, — промелькнуло у меня в голове. — Тащить такой огромный ящик ради какой-то дешёвой чашки. Больные»

Их двоих находка тоже не заинтересовала. Златовласый открыл следующий ящик.

Там было ещё нелепее. В специальном углублении лежала палочка для еды, самая обычная, бамбуковая, какую кладут в еду на вынос. И всего одна. Торжественно уложенная в огромный железный ящик. Сразу видно, у того, кто это сделал, были проблемы с головой.

— Зачем это здесь? — не выдержал я. — Ящик в сто раз дороже этой палочки.

— Ты просто не ценитель, — сказал Лэнс. — Это всё ценные вещи.

Я чуть было не поверил ему и стал внимательно разглядывать палочку, но быстро понял, что парень просто издевается. Они открыли семь или восемь ящичков, и в каждом была какая-то дрянь, которую и на свалку не примут. Разве что глиняный свисток выглядел старинным. Остальное — пластиковые и деревянные безделушки, не стоящие и гроша. Непонятно, зачем их так хранить.

— ...Почему? — спросил я. Я очень не хотел спрашивать, но мне нужно было знать ответ. Я начинал понимать, почему они так одержимы поисками. — Я не могу догадаться.

— Ну, ты свяжи факты, — Чжоу сделал жест руками. — Старина Чэнь тебе рассказывал, что они изучали?

Я кивнул. Он изобразил руками «пещеру», а затем просунул палец изнутри наружу.

«Почему-то мне это показалось пошлым. Надеюсь, он не это имел в виду»

— Пещера, — сказал Златовласый, пока профессор открывал очередной ящик. — Если есть

вход, значит, есть и выход, так?

Я задумался и смутно почувствовал, что начинаю понимать.

— Это... из пещеры? — ахнул я. — Но разве она не была размером с игольное ушко?

— Люди растут, и пещеры тоже, — просветил меня тот. — Старина Чэнь тебе документы не показывал? Там же написано.

«Ты думаешь, я в этом хоть что-то понимаю? — хотел было съязвить я, но вовремя спохватился: для душевного покоя лучше поменьше упражняться в сарказме. Пришлось промолчать»

— Я не знаю японского, — сказал я.

— Учи языки, в жизни пригодится, — сказал Чжоу. — Это не так уж и сложно.

«Да какое твоё дело!» — должно быть, было написано на моём лице, потому что Златовласый рассмеялся, и мне захотелось его ударить.

— Смотри, — вдруг сказал профессор. — Нашёл.

Я тут же отвернулся от Лэнса и посмотрел в сторону Сюаня.

Перед ним стоял открытый ящик, а в нём — совершенно обычная маленькая железная коробочка. Она вся проржавела, но можно было разглядеть, что это коробочка из-под леденцов, кажется, импортных.

Коробочка была уже открыта. Внутри лежали пожелтевшие леденцы, размером с шарик. Когда-то они были белыми, но со временем пожелтели, напомнив мне таблетки от глистов, которые я ел в детстве.

Они оба смотрели на коробочку и молчали.

Через некоторое время профессор вздохнул, закрыл крышку и убрал её.

Я посмотрел на Златовласого, взглядом прося объяснений. Тот криво усмехнулся и кивнул в сторону Сюаня, мол, сам спрашивай.

— ...Эта коробочка... она важна? — спросил я. — Это улика?

— Это кости старой знакомой, — сказал профессор. — С ней... всё сложно.

— Она ещё жива, но её кости часто появляются в местах, где есть входы. Если мы находим кости... значит, этот вход относительно стабилен, и есть шанс войти.

— Жива? — переспросил я. — Значит, это не её кости? Или это из параллельного мира?..

— Можешь считать так: однажды она войдёт в один из таких входов и превратится в эти кости.

Сказал профессор.

— Это тоже одно из predetermined будущих.

Лицо профессора было очень мрачным. Тогда я ещё не понимал всей трагичности его слов. Лишь через несколько дней я узнал, что под «ней» он подразумевал свою бывшую жену.

<http://bllate.org/book/13479/1690536>